

ВЕДЬМА

Рассказ

1.

— Послушан, Гаврила Лукич, что это за животное? Только что сделали выбраковку, сдали на мясо. И вот, пожалуйста, снова в отаре не овца, а какое-то страшилище. Откуда взялась? — сердился зоотехник Сотников, стоя посреди база чабана Авдеева. Невысокий сутулый старик нехотя глянул на сложенную вдвое плеть, которой показывал зоотехник па отару, и почесал затылок. Среди отборных мериносов стояла крупная, высокая на ногах овца с длинной шеей, оголенной начисто головой и несуразно торчащими вверх рожами.

— Видишь ли, Михаилович, — миролюбиво, чуть даже заискивающе, повел речь старик, — когда мы с тобой делали выбраковку, она дей-то шлендала. Вроде в самовольной отлучке находилась. И вообще, решил я ее, как бы тебе объяснить или доложить... оставить.

— Да на кой шут она тебе сда-лась? Была бы хоть матка как матка, а то стыдно смотреть: облезлая, голопузая и... рога как у черта. С первой же оказией — отправить. Чтоб и духу ее не было. Чтоб не портила паршивая овца все стадо!

Сотников уехал. А Гаврила Лукич, подбирая вилами выпавшее из печей сено, покосился на овцу, вызвавшую гнев начальства, и ворчливо обратился к ней:

— Слыхала, какой приговор тебе вынесли? То-то...

Но овна и ухом не повела. Она как ни в чем не бывало продолжала с хрустом жевать, выбирая в сене острые стрелки пырея, желтые соцветия донника

и темные мохнатые веточки люцерны. Зелеными отчаянными глазами овца насмешливо посмотрела на старика и моргнула, будто подмигивая: «Не испугаешь, мол, знаем и не такое!..» Так именно и расценил Гаврила Лукич это моргание.

— Э-э, да тебя разве застращаешь! Одно слово — ведьма.

Тут овца прекратила вдруг тереть сено и пошла к чабану, наострив уши и облизывая языком тонкие подвижные губы.

— Идешь, побируха? Ну, на вот, перекуси, — Гаврила Лукич достал из кармана кочан кукурузы, нашелушил зерна в широкую жесткую ладонь и протянул матке. Та набрала полон рот и захрустела смачно, жмурясь от удовольствия. — Во-во, — продолжал старик, — на это ты мастерица. Только и твоего — лопать да всякую шкodu творить... А ягнят воспитывал бы да шерсть за тебя давал кто-то... Вот отправим на комбинат за такое подобное — будешь знать.

Видя, что облезлая овца, прозванная Ведьмой, целиком занята кукурузным угощением, Гаврила Лукич только покачал головой.

2.

Ведьма — животное в своем роде исключительное. Присущей овцам кротости и стадного чувства не было у нее и в помине. Характером она обладала независимым, смелым. Базов и всяких загоронок не признавала. Сколько из-за нее досок извел Гаврила Лукич, без конца наращивая ограду! И все напрасно. С

легкостью джейрана Ведьма перемахивала через любой щит и любую загородку, отправляясь куда ей вздумается: в посевы, в огород или тока, где хранится зерно. Никого она не боялась и всех, что называется, не ставила в грош. Погонится за ней сторож с хворостиной – Ведьма отбежит немного и стоит, выжидает, подняв голову, украшенную небольшими, торчащими вверх рожками.

Даже чабанским собакам не было от нее житья. Чуть зазеваается пес – Ведьма тут как тут. Подкрадется и начисто съест всю собачью порцию ячменной каши. Жалобы на нее поступали Гавриле Лукичу со всех сторон: там бурт свеклы разворочала, там распотрошила сумку с харчами беспечных трактористов – яйца перетолкла, хлеб попортила; то агроном грозитя – в опытный участок залезла, то бригадир огородной бригады со скандалом бежит – грядку отборнейшего лука испаскудила.

Вот за такие художества и дали ей чабаны столь нелестную кличку. По добру – сдать бы эту канительную овцу на бойню, и дело с концом. Гаврила же Лукич, несмотря на все неприятности, которые имел по ее милости, Ведьму терпел. Потому- отличалась она еще одним весьма ценным качеством: была незаменимым поводом. Нужно ли переправить отару через речку, загнать на весовую или пропустить сквозь раскол, Ведьма всегда выручала. Там, где другие чабаны мучаются часами, Гаврила Лукич и горя не знает. Только крикнет, бывало: «Ведьма! Ты где? А ну, пошла!» И она бесстрашно мчится вперед, заранее облизываясь от предвкушения подачки. Отара, понятно, устремляется следом.

Каждый год приводила она по двойне ягнят, но, покормив с неделю, бросала. Любовь к вольной, бесшабашной жизни брала верх над материнскими чувствами. Занудившись в оцарке, махнет через щит и была такова. Крепко бивал ее за это Гаврила Лукич. Пробовал даже привязывать в углу за рога, но Ведьма все равно улучит момент

и сбежит. Старикау ничего не оставалось, как, обругав своенравную скотину, подсаживать малышей к другой матке.

Федор Сотников не раз покушался на «паршивую овцу». И не сносить бы головы удалой Ведьме, но последующие события, в которых она сыграла решающую роль, помогли ей не только сохранить жизнь, но и снискать даже расположение строгого зоотехника-селекционера.

3.

Случилось так, что лаборатория забрала целую траншею силоса. Обнаружили растения с повышенным содержанием алкалоидов и запретили скармливать маткам. А ведь силос-то как раз для них и заготовлен. Получив заключение экспертизы, Сотников помчался в лабораторию.

— Вы что, смеетесь? Куда я должен девать 400 тонн массы?

— А это нас не касается. Кормите старых валухов, быков на откорме — кого угодно, только не суягных маток.

Федор просил повторно сделать анализ, убеждал, настаивал. Те непоколебимо стояли на своем.

— Вас предупредили, а там делайте как хотите. За последствия мы ответственности не несем.

Сотников был близок к отчаянию. Что делать? Ведь требовать повторного анализа бесполезно. Федор и сам знал, что растения, содержащие алкалоиды, в силосе имеются, но их мало. И так ли велика опасность, а может, никакого ущерба от этого не будет? Опять как докажешь? Остается одно — биопроба...

Проворно заседлав коня, он поскакал к Авдееву. Чабан, как всегда, копошился на базу: подбирал сено, осматривал потяжелевших маток.

— Вот что, Лукич,— обратился Федор,— пришло из лаборатории заключение: силос скармливать запретили. Алкалоидов много признали.

Гаврила Лукич воткнул вилы и молча уставился на зоотехника.

— Но я не верю,— продолжал тот.— Надо самим сделать биопробу.

Отберем десяток маток, посадим в отдельный базок и будем давать силос. Сначала по килограмму в день, потом увеличим до трех. Если с ними ничего не случится, начнем кормить всю отару.

— Та-а-к,— закричал старик, — ученым людям оно, конечно, видней. Только... пробу... я уже сделал.

— Как... сделал? Кто тебе разрешил?

Гаврила Лукич желчно усмехнулся.

— Ты что, Ведьму мою не знаешь? Это ж не матка, а черт в овечьей шкуре. Чуть недоглядел — махнула, как борзая сучка через щит и в потраву. Сколько разов меня штрафовали за нее, заразу... Так вот, еще когда яму открывали, эта подлюка шастала там, приноживалась. Я опосля, как ты велел, закидал дыру соломой. Так ее разве это остановит? Разгоняла и каждый божий день жрет сколько влезет. Хочешь — пойдем, она и сейчас там.

— Ну, и... как?

— Холера ее не взяла!

Когда зоотехник с чабаном подошли к траншее, Ведьма стояла у проделанной в соломе дыры. Приспокойно вытаскивала оттуда темно-зеленые листья и с видимым удовольствием жевала, независимо поглядывая по сторонам.

— Вон она, нечистая сила,— проворчал Гаврила Лукич. Ишь, никак не нажрется...

Зоотехник внимательно осмотрел овцу, но ничего подозрительного не заметил. Ведьма, как всегда, бодрая, жизнерадостная. Уплетает себе запретный силос, задорно по-блескивает зеленым демонским оком.

— Давно она сюда ходит?

— Да говорю ж тебе — как на анализ ты брал. Нынче, должно, пятый день.

— Ладно. Примем к сведению. Но все же надо испытать на мерининовых матках. Ведьма твоя — не в счет.

— Конечно,— охотно согласился старик.— Она, проклятая, гадюку самую что ни на есть ядовитую сожрет и не

охнет. Пошли отбивать маток.

Овцы, выделенные в контрольную группу, с жадностью набросились па силос и вскоре опустошили ясли. Постепенно увеличивая норму, Федор ежедневно следил за состоянием их здоровья, но никаких признаков отравления не замечалось. На шестые сутки Гаврила Лукич стал поговаривать, чтобы перевести на силос всю отару.

— Подождем еще,— осторожно начал зоотехник.

— Да докудова ж будем ждать? — горячился старик.— До окота, что ль?.. Сейчас самое плод растет, а ты тянешь... Ведь спробовали. Еж ли б чего им подеялось, давно бы шкуры с них содрали. А то — вон они: жрут, и ничто их не берет!

— Видишь ли, Лукич, некоторые токсины или, проще сказать яды, действуют не сразу. Они накапливаются в организме, а потом и... того.

— Так ведь неделя прошла! За такой срок пора им накопиться. Не пуд же их надо, чтобы овцу уморить!

Не успел зоотехник ответить Гавриле Лукичу, как откуда-то из-за угла вывернулся чабан Андрей Дудка.

— Михайлович! — сунулся он сразу к зоотехнику.— У Лукича, кажутся, силос открылы. Так я сегодня пошлю хлопцев...

— Во!

Гаврила Лукич свернул кукиш и сунул его под нос Дудке.

— А шо?.. Шо такэ?— оторопел Андрей.

— А то,— негожий силос. Какие-то алкоголики в нем оказались...

— Алкалоиды, — мрачно поправил зоотехник.

— Один черт — отравка...

— Ой-го-о!.. Шо ж тэпэр робыть?— приуныл Дудка.— Вжэ ж скоро окот, и вивци голодни...

Зоотехник махнул рукой.

— Хорошо. Сегодня у нас что? Суббота? В понедельник давайте силос отарам.

— От спасыбочко!— оживился Андрей.— А то я, було, злякався: без

силосу окот проводить — дурнэ дило.

— Не меня благодари,— усмехнулся зоотехник.— Скажи спасибо Лукичевой Ведьме. Еще бы нужно выждать дней десять, да она уж его на себе испытала.

4.

В конце мая, когда тают в горах снега, хлынули еще проливные дожди. Грязные потоки по расщелинам и крутым склонам потекли вниз. Пополняя многочисленные ручьи и речушки, они превращали их в бурные реки. Талой и дождевой водой были залиты все углубления—ямы, ложбины. Вода собиралась в оврагах, копилась в балках. А потом, прорвав плотину, мутным бугристым валом устремлялась в долину. Такое водохранилище возникает внезапно, в самых неожиданных местах. Потому не всегда удается вовремя обнаружить грозное скопище воды и предотвратить беду.

На этот раз вал ринулся по извилистому дну Сухой балки. Не причинив заметного ущерба, миновал птичник, телятник, выкатился на простор, где стояла кошара Авдеева.

...Утром с неба лить перестало. Потянул ветерок. Выглянуло солнце. Два сакмана из ягнят поменьше Гаврила Лукич на пастбище не пустил, оберегал от сырости. «Дадим силосу да чуток сена, зерна — перебьются»,— решил старик. А старший сакман погнал Петюня Сливочкин — добродушный увалень, с вечно улыбающимся круглым лицом.

— Ты гляди, Петька,— напутствовал Гаврила Лукич, — понизу не крути. На бугор поднимай. Там протряхло... А ты куды?!— зыкнул он на пытавшуюся удрать Ведьму.— Я те вильну, нечистый дух! Все бы ты шастала где не след, шайтан длинноногай!..

Старик схватил кнут, и догадливая овца мигом очутилась в стаде.

Гаврила Лукич притворил воротца база и пошел в дальнее крыло кошары, где работали трое девчат и два парня. После передачи ягнят и маток чабанам сакманщики обязаны очистить

помещение от навоза. Таков порядок.

Молодежь трудилась на совесть, вилы мелькали в их ловких руках. Спешили ребята, им еще бежать в станицу. Старик придирчиво осмотрел, что уже сделано, и остался доволен. «Молодцеватые нынешний год попались сакманщики,— думал Гаврила Лукич.— Хочь Зинка, хочь Маруська... Да и парнишки в одно. Гляди-ка, по десять классов кончили, а черной работой не требуют. И ягнят, опять же, выходили — один к одному. Что значит — комсомолия!».

— Ну что, дедуня,— сказала красивая, похожая на цыганку, Зинка Шальнева.— Может, где не так — покажи, переделаем,— и смахнула со смуглого лба капельки пота.

— Сойдет... сойдет,— покивал Гаврила Лукич.— Как справитесь — ступайте обедать. Я справку вам намую, возьмете.

Время приближалось к полудню. Ветер притих. Сквозь затянувшую небо белесоватую мглу солнце едва пробивалось расплывчатым пятном. Гаврила Лукич распрямился. Потер поясницу, взглянул вверх: «Надо корыта наполнить,— подумал привычно,— Петро того и жди пригонит на водопой»,— и направился было к пузатой бочке на колесах.

Глухой шум и сполошный человеческий крик заставил его обернуться. Сперва ничего не заметил Гаврила Лукич, но когда глянул в сторону Сухой балки, то ноги у него так и подкосились. Вся низина быстро заполнялась невесть откуда взявшейся водой. Он видел, как пенистый, клубящийся поток, наткнувшись на небольшой пригорок, разделился надвое, двумя рукавами обогнул бугор, вновь слился и покатил дальше. А на пригорке, сразу превратившемся в островок, копошилась плотная серая масса. Нелепо размахивая руками и истошно крича, метался человек. «Петро не успел перегнать... Прозевал, паршивец!» — успел подумать Гаврила Лукич, и откуда только у него взялась прыть — припустил в низину.

Чем ближе к острову, том все ясней открывалось бедственное положение овец. Широкий разлив отрезал бугор от обоих берегов балки, а вода все прибывала. Грязные, вспененные волны плескались у самых ног перепуганных животных. Матки, ягнята сбились в кучу и блеяли разноголосо. «Вплывь не пойдут. Оробели дюже,—задыхаясь от быстрого бега, с отчаянием думал Гаврила Лукич.— Сейчас накроет... Понесет, как в прошлом году у Андрея. Помоги, боже!.. Луснули мои овечки!»

— Гони-и-и!— еще издали дико заорал старик. Голос его сорвался и перешел в сиплюю фистулу.— Какого... ты крутишься!.. Пихай! У воду пихай, черт шуталомнай!..

От берега до овец было около двадцати метров. За шумом и ревом воды Петр не мог услышать старика. Однако он понял его красноречивые жесты и принялся сталкивать овец в воду. Но плыть они не решались из-за боязни быстрого течения и сразу же выбирались обратно.

Гаврила Лукич прямо в одежде сунулся в поток, на середине его самого едва не сбило, он угодил в выбоину до плеч и вынужден был отступить. Стоя по пояс в воде, стараясь удержаться на ногах. Гаврила Лукич лихорадочно искал выхода. Спада воды ждать нечего, наоборот, ее уровень па глазах повышался. Мимо старого чабана, быстро кружа, несло бурьян, сучья, щепки и всякий мусор. В отчаянии смотрел он па отару, стоявшую уже по колено в воде, и тут взгляд Гаврилы Лукича остановился на Ведьме. Ее облезлая голова с несуразными рожками торчала посреди гурта. Она одна сохраняла спокойствие, не орала, а только осматривалась, словно удивляясь всеобщей неразберихе.

— Ведьмушка-а... Ведьма-а! — сам не узнавая свой голос, заорал что есть мочи Гаврила Лукич.— Кэть-кэть-кэть!.. Ведьма-а!

Длинные, голые уши овцы поднялись, насторожились.

— Скорее-ей! Скорее-ей, милая!— неистово звал старик.— Ведьма-а!.. Ведь-

ма-а!.. Ведь-ма-а!

Услыхала! Бесцеремонно расталкивая ревуших, обалдевших от страха подруг, она подошла к воде. На минуту остановилась, прислушиваясь и озираясь.

— Иди-и..., иди-и!.. Кэть-кэть!.. Ведь-ма-а!—долетал с той стороны бурного потока голос хозяина. Гаврила Лукич поднял сложенную лодочкой ладонь и потряс ею, будто там, в горсти, зерно.

Ara! Вон он, хозяин, который хоть и покрикивает, и хворостиной, бывает, грозитя, зато всегда у него можно разжиться корочкой хлеба, пригоршней овса или кукурузы. Значит, раздумывать нечего. Ведьма погружается в мутные волны и быстро плывет к Гавриле Лукичу. В тот же миг вода позади нее будто вскипела. Все овцы, толпясь, устремились следом. Наперебой прыгали и плыли, плыли, усиленно работая ногами, выставив на поверхность головы на неестественно вытянутых шеях. По сравнению с остальными. Ведьма обладала в этом случае неоспоримым преимуществом: ее скудная оброслость нисколько не отражалась на весе и не мешала плыть. Мериносам же в их густых, плотных шубах пришлось туго. Шерсть мгновенно напиталась водой, и вес животных почти удвоился. Если же учесть, что овцы вообще пловцы не ахти какие, то можно себе представить, в каком трудном положении они оказались. Хорошо еще, что ширина потока не особенно велика. Маток хоть и снесло далеко по течению, по все до единой они выбрались на берег. Ведьма, конечно, суши достигла первой. Она вышла вместе с Гаврилой Лукичем и сразу же сунулась к нему. И не ошиблась — старый чабан быстро положил ей под морду размокшую хлебную краюху, а сам побежал к острову. За маток он больше не тревожился. Мокрые, грязные, они сгрудились на берегу и, отряхиваясь, вновь принялись орать. Беспокоились о своих ягнятах. А с теми дело обстояло еще хуже. Немного их, самых старших и бойких, последовало за матерями. Большинство осталось на островке, который к этому времени почти пол-

ностью затопило. Чувствуя под ногами непривычную мокроту и холод, они прыгали как зайцы и отчаянно кричали. Петр еще копошился, пытаясь что-то сделать. Расставив руки, сгонял малышей туда, где повыше. А Гаврила Лукич никак не мог добраться к бедствующим: «Эх, ухнули наши труды! Ну, как их, глупышей, переправишь? Как?» — он совсем растерялся и топтался на берегу, мокрый и жалкий.

В это критическое время подошли Николай и сакманщики. Все они находились в кошаре и не слышали призыва Гаврилы Лукича. Лишь спустя какое-то время вышел парень, случайно увидел половодье и поднял тревогу. Побросав вилы, они наперегонки помчались к отаре. Ребята и девчонки пробегали мимо старика и, обдав его брызгами, с ходу, бросались в поток.

— Куды?!.. Куды вас, окаянных, несет?!— сипел Гаврила Лукич.— Перетопнете!..

На него даже не оглянулись. Только красавица Зинка сверкнула на бегу цыганским глазом:

— Молчите, дедуня! По-вашему, пусть пропадают?— и тут же кинулась в воду.

— Левой берите!.. Левой! Там колдобань!— командовал вслед оживший Гаврила Лукич. Но ребятам некогда разбираться. Напрямик, где вплавь, где вброд, они спешили к ягням. Вот первый добрался до сбившихся в кучу ягнят. За ноги, за шею, за уши — нахватал целую охапку, передал другому. Тот — следующему. И дело пошло.

Гаврила Лукич занял место в конце цепочки. Стоя чуть не по пояс в воде, он принимал ягнят, пускал на берег. Те, сразу же забыв все страхи, с выбрыком мчались к беспокойно бляющим матерям, падали на колени и, забавно вертя хвостиками, принимались сосать.

...Федор Сотников прискакал к месту происшествия, когда все было кончено. Мокрые, захлюстанные по уши чабаны и сакманщики толпились на берегу. Лица у всех воз-

бужденные, радостные. Последним из воды вылезал продрогший, посиневший Петр. Но и тот, как всегда, улыбался.

Федор, не слезая с седла, окинул взглядом овец, чабанов, стыдливо жавшихся девчонок с прилипшими к телу платьями и ни о чем расспрашивать не стал. Он показал плетью на кошару и скомандовал:

— В помещение. Что есть духу, марш!

Гаврила Лукич еще пытался что-то объяснить, но и его перебил зоотехник.

— После, после, Лукич! Ты тоже поспеши в хату. Собери фуфайки, халаты... Переодеться всем, пока высохнет одежонка. А то, хоть и не зима, а дорого может обойтись эта купель.

Не успели люди покинуть берег, вновь накатившей волной островок накрыло... Еще с час бушевала разгулявшаяся стихия. А потом вода резко пошла на убыль. К вечеру по дну балки журчал лишь ручеек. Только прилизанная трава да застрявший в кустах разный хлам и коренья показывали, куда добрался этот сумасшедший поток.

Узнав подробности спасения отары, Сотников совсем иными глазами посмотрел на неказистую Ведьму. С той поры он перестал докучать Гавриле Лукичу поговоркой насчет «паршивой овцы» и уж не помышлял о том, чтобы сдать Ведьму на мясо.